

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И
ЭТНОГРАФИИ ИМ. А.ДОНИША**

На правах рукописи

ПЕЛА САИДИ КАТАЮН

**РИТУАЛЬНЫЕ СОСУДЫ И СТАТУЭТКИ
ГИЛАНА И СРЕДНЕЙ АЗИИ КАК ИСТОЧНИК
ПО ИСТОРИИ И МИФОЛОГИИ
ИРАНСКИХ НАРОДОВ
(КОНЕЦ II – НАЧАЛО I ТЫС. ДО Н.Э.)**

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

*На соискание ученой степени кандидата исторических наук
по специальности: 07.00.02. – Отечественная история;
07.00.06 – Археология*

Душанбе – 2016

Работа выполнена в отделе археологии Института истории, археологии и этнографии им.А.Дониша Академии Наук Республики Таджикистан

Научный руководитель: **Филимонова Татьяна Германовна,**
кандидат исторических наук

Научный консультант: **Каримова Галина Рахимовна,**
кандидат исторических наук

Официальные оппоненты: **Медведская Инна Николаевна**
доктор исторических наук

Курбанов Шарофиддин Файзуллаевич
кандидат исторических наук

Ведущая организация: Российско-таджикский славянский
университет (исторический факультет).

Защита состоится « 13 » октября 2016 г. в 10 часов на заседании Диссертационного совета Д 047.008.01 по защите диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, при Институте истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Академии наук Республики Таджикистан (734025, Таджикистан, Душанбе, пр. Рудакки, 33)

С диссертацией можно ознакомиться в Центральной научной библиотеке им. Индиры Ганди Академии наук Республики Таджикистан и на сайте www.tj-history.tj

Автореферат разослан « _____ » _____ 2016 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор исторических наук

Додхудоева Л.Н.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В древней культуре Ирана не последнее место занимают статуэтки, антропоморфные и зооморфные сосуды, которые не получили должного научного исследования, как носители информации о мифологических представлениях иранских народов второй половины II – начала I тыс. до н.э. Наличие большого комплекса предметов указывает на их исключительное назначение, демонстрирующее отношение человека к окружающему миру, возможности воздействия посредством их на природу. Диссертационная работа в этом плане является первой попыткой осмысления роли ритуальных предметов в мифологических представлениях и эволюции культа женских и мужских божеств, а также различных животных. Весь комплекс антропоморфных и зооморфных статуэток, найденный в этом регионе, имеет большое сходство с аналогичными изделиями, обнаруженными на памятниках Иранского плато и Центральной Азии. Рассмотрение этого комплекса с точки зрения преемственности традиций в рамках определенных культурных областей, поиск различий или сходства между верованиями и мифологией, эстетикой изображения предметов, среди племен, живших на севере Ирана и в Центральной Азии, предопределил выбор темы диссертационной работы.

Таким образом, актуальность темы исследования обусловлена недостаточной изученностью семантики статуэток в контексте местных культур, связанных как с отдельными культурами, так и мифологией населения в целом.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. статуэтки и сосуды как источник по реконструкции особенностей религиозно-мифологических представлений иранских народов.
2. антропоморфные и зооморфные статуэтки и сосуды, как отражение окружающего мира во всем многообразии его проявления;
3. основные образы и сюжеты, представленные ритуальными предметами.
4. семантические и иконографические особенности антропоморфных и зооморфных статуэток и сосудов из могильников Гилана в сравнении с подобными изображениями Центральной Азии.

Географические и хронологические рамки исследования. Географические рамки ограничиваются провинцией Гилан, расположенной на побережье Каспийского моря и в предгорьях Тальша и Эльбурса. Хронологические рамки определяются серединой II–первой половиной I тыс. до н.э. Для решения некоторых задач привлекались материалы из других районов Ирана и Центральной Азии.

Степень изученности темы. Изучение статуэток началось после раскопок могильника Марлик в 1961-1962 гг., где было обнаружено их большое количество.¹ Изучение статуэток продолжилось после раскопок па-

¹ Negahban E.O. A preliminary report of Marlik excavation. – Tehtan, 1964; Негехбан Иззатулла. Предварительный доклад по раскопкам Марлика. – Тегеран: Министерство

мятников Амлаша, Дейламана, Аморулу, Томочон, Пиркух и Калураз¹ в 1964-69 гг. Результаты этих исследований имеются в виде отчетов о раскопках, представленных в Археологический центр, либо неопубликованных докладов в Министерство культуры и управление археологии, Генеральное управление археологии и редких статей, опубликованных в журнале «Археология и история».²

Материальной культуре Гилана были посвящены диссертационные исследования М.Мусави; Обер Мансура; Ф. Юсефа; Х. Мухаммадрезы о раскопках в Калуразе. и др. Но в этих трудах отсутствуют классификация статуэток и сосудов, интерпретация их значений и символики.³

К сожалению, этот источник, который мог бы дать сведения о мифологии аборигенных и ираноязычных племен северной части современного Ирана, практически не использован. Место антропоморфных и зооморфных сосудов и статуэток в изобразительных и культурных традициях пока остается не ясным. В какой-то мере, проблемы религии и мифологии населения Гилана, с привлечением незначительных материалов ряда памятников, освещены в обобщающих работах Алида Мирча, Баяни Маликзаде, Гертера Джабеза, Мансури Хабиби и др.

Большой интерес к статуэткам проявляли искусствоведы, но в их работах, в частности, Х.А.Ашлахи, В. Г. Луконин рассматривают их с точки зрения стиля их исполнения и общей концепции искусства иранского плато в X-VII вв. до н.э.⁴

культуры и управление археологии, 1964 (не опубликован); Он же. Marlik. The complete excavation report, vol. 1. – Berlin, 1996.

¹ Джахони Вали. Бостоншиносии Амлаш, маарифи чугрофиё ва осори бостоншиносии Техрон // Илиёб Самади Хабибуллохю Хафрийёти Гармобак ва Томочон. Мачаллаи бостоншиносии ва хунари Ирон. – Тегеран. – Вып. 1, 2. – 1959; Хакеми Али. Металлические артефакты, найденные в Калуразе Гилана // Пятый международный конгресс по археологии и искусству Ирана. – Т. 1. – 2-ое изд. – Тегеран: Министерство культуры и искусств, 1968. – С.156-201.

² Фаллахиян Юсеф. Общий взгляд на достижения в изучении памятников в бассейне реки Шахруда (Амарлу), археологические доклады № 4. – Тегеран: Институт археологии, 2005; Он же. Научно-археологические раскопки в Рудбаре и Рамхматабаде (деревни Насфи и Джувин). Доклад № 16 провинции Гилана. – Тегеран: Генеральное управление археологии Ирана, 1972 (не опубликован); Хальятбари Мухаммадреза. Исследование Джувина, Рустамабада и Рудбара. Доклад № 21. – Тегеран: Организация культурного наследия страны. 1986 (не опубликован); Он же. Археологические раскопки на древних стоянках Талиша – Маряна и Тандвина. – Тегеран: Центр документаций Организации культурного наследия, 2004 (не опубликовано); Комбахшфард Сайфулла. Археологические раскопки в предгорьях Восточного Гилана // Археология и история. – 1994. – № 1. – С. 5-23.

³ Мираши Сайидзахираддин. История Гилана и Дейламистана. – Тегеран: Бунд-е фраханг-е ирон, 1968. – С. 250; Мусави Махмуд. Археология Гилана. – Тегеран: Группа исследователей Ирана – Т. 1. – С. 504-506. Фатеха Корбан. Гилан до ислама. – Решт: Илия, 2007. – 215 с.; Фумни Гилани Абдулфаттах. История Гилана. – Тегеран: Бунед-е фарханг-е Ирон, 1970 – 384 с.

⁴ Хабиб Аллах Аят Аллахи. История иранского искусства. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2007. – 352 с.; Луконин В.Г. Искусство древнего Ирана. – М.: Искусство, 1977. – С. 3, 13.

Большую роль в изучение истории Ирана, внесли советские и русские исследователи. И. М. Дьяконов, М. А. Дандамаев, В. Г. Луконин Э. А. Грантовский, И. Н. Медведская привлекая археологические данные, материалы глинописных архивов рассмотрели различные аспекты культуры на фоне политической и экономической истории иранского государства от первых цивилизаций до IX-IV вв. до н.э.¹

В Средней Азии был описан своеобразный набор терракотовой пластики каждого из историко-культурных регионов (Бактрии, Согда, Маргианы и Хорезма),² характеризующий развитие изобразительной традиции и становление иконографии различных религиозно-мировоззренческих систем. Проблема изучения изображений животных по рисункам на керамических сосудах, затрагивалась В. М. Массоном, И. Н. Хлопным, В. И. Сарияниди и др. При интерпретации изображений они убедительно показали, что рисунки в ряде случаев имели магический смысл, но семантика этих изображений раскрывалась далеко не всегда.³ Необходимо отметить работы Е. В. Антоновой, которая на основе археологических артефактов, письменных источников и данных этнографии реконструировала мировосприятия народов Востока.⁴ Много сделавшими для изучения культуры Ирана являются известные французские ученые П. Амье и Р. М. Гиршман, привлекавшие в своих работах мифологические тексты.⁵

Историко-археологические исследования свидетельствуют о том, что древнейшие земледельческие культуры Иранского нагорья и прикаспийских областей с эпохи неолита до раннежелезного века были теснейшим образом связаны с Передней и Малой Азии, где был особенно развит культ

¹ Дьяконов И.М. Типы этнических передвижений в ранней древности (с конца IV по начало I тыс. до н.э.) // Древний Восток. – Вып. 4. – Ереван: Изд. АН Армянской ССР, 1983. – С. 5-22; Дьяконов И.М. Восточный Иран до Кира. К возможности новых постановок вопроса // История Иранского государства и культуры. – М.: Восточная литература, 1971. Медведская И.Н. История одной керамической формы // Культура Востока. Древность и раннее средневековье. – Л.: Аврора, 1978. – С. 54-66; Вопросы хронологии раннежелезного века на Ближнем Востоке: письменные источники о железе // Российские ежегодники. – 2012. – № 2. – С. 224-245. Дандамаев М.А., Луконин В.Г. Культура и экономика древнего Ирана. – М.: Наука, 1980 – 417 с.; Луконин В.Г. Древний и раннесредневековый Иран. – М.: Наука, 1987. – 295 с.; Массон В.М. Первые цивилизации. – Л.: Наука, 1980. – 275 с.; Медведская И.Н. Древний Иран накануне империи (IX-VI вв. до н.э.) // История Мидийского царства. – СПб: Петербургское Востоковедение. – 2010. – 264 с.

² Двуреченская Н.Д. Изучение терракотовой пластики Средней Азии // Древность и раннее средневековье (археологический аспект) // ПИФК. – Москва–Магнитогорск–Новосибирск, 2005. – Вып. XV. – С. 141-308.

³ Абоу Аль-Хасан Махмуд Бактрии Моусса. Вопросы взаимосвязи культур Ирана и Южной Туркмении: интерпретация изображений животных на керамических и каменных изделиях эпохи энеолита // Автореф. дис. канд. ист. наук. – М., 2005. – С.3.

⁴ Антонова Е.В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. Опыт реконструкции мировосприятия. – М.: Наука, 1984. – 264 с.

⁵ Pierre Amiet. L'âge des échanges inter iraniens 3500-1700 avant J.-C. – Paris: Ministère de la Culture et de la Communication Éditions de la Réunion des musées nationaux. – 1986. – 332 p; Гиршман Р.М. Религия Ирана от VIII в. до н.э. до периода ислама // Культура Востока. Древность и раннее средневековье.– Л.: Аврора, 1978. – С.67-73.

женского божества плодородия. А также служили передаточным звеном в их культурном взаимодействии с цивилизациями Центральной Азии, ценные сведения о которых содержатся в работах В. М. Массона, В. И. Сарияниди, О. Бердыева и других археологов.¹ Исследователь БМАК А.-П. Франкфор считает, что отразившаяся в этой культуре мифология не имела ничего общего с индо-арийской или индо-иранской, реконструируемой на основе текстов.² В. И. Сарияниди также выводит внешний облик древних божеств от образов «сиро-хеттской глиптики».³ В целом российскими востоковедами проведена огромная работа. Монографии Э. А. Грантовского, М. А. Дандамаев, В. Г. Луконина внесли значительный вклад в изучение истории и религии Ирана.⁴

Степень изученности интересующей нас проблемы на сегодняшний день, показывает, что конкретные исследования зооморфных и антропоморфных сосудов и статуэток, найденных в провинции Гилан, не осуществлялись и только отдельные аспекты нашли свое отражение в работах иранских, европейских, советских и русских ученых, а проблемы связанные с интерпретацией их смыслового содержания еще далеки от окончательного решения.

Объект и предмет исследования: антропоморфные и зооморфные статуэтки и сосуды, найденные в провинции Гилан: Марлик, Джубен, Амалру, Калураз, Кальа-е Кути, Амлаш, Несфи, Шахран, Джамшидабад, Ширчок, Огевлар, Аколлар, Сафедруд. Предмет исследования – семантика этих предметов и раскрытие мифологических образов.

¹ Массон В.М. Средняя Азия и Древний Восток. – М.-Л., Наука, 1964. – 467 с.; Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). – Л.: Наука, 1976. – 188 с.; Сарияниди В.И. Бактрия сквозь глубь веков. – М.: Мысль, 1984. – 160 с.; Сарияниди В.И. Гонурдепе. Город царей и богов. – Ашгабад: Мирас, 2008. – 327 с.; Сарияниди В.И. Среднеазиатская терракота эпохи бронзы. Опыт классификации и интерпретации. – М.: Наука, 2008 с.; Хлопин И.Н. Юго-западная Туркмения в эпоху поздней бронзы (по материалам сумбарских могильников). – Л.: Наука, 1983. – 242 с.; Бердыев О. Южная Туркмения и Иран в эпоху камня и раннего металла // История Иранского государства и культуры. – М.: Восточная литература, 1971. – С. 164-169; Медведская И.Н. Древний Иран накануне империи (IV-VI вв. до н.э.). История Мидийского царства. – СПб: Петербургское востоковедение, 2010. – С.224-245; Антонова Е.В. «Арии» и Бактрийско-маргианский археологический комплекс // Иранский мир II – I тыс. до н.э. // Материалы международной научной конференции, посвященной памяти Эдвина Арвидовича Грантовского и Дмитрия Сергеевича Раевского (2-3 декабря 2013 г.). – Москва: ИВ РАН, 2013. – Вып. VI. – С. 9-17.

² Francfort H.-P. Dungeons and Dragons: Reflections on the System of Iconography in Protohistoric Bactria and Margiana // South Asian Archaeology Studies. G. Possehl, ed. N. Delhi-Bombay-Calcutta-Oxf. 1992. – P.204. Francfort H.-P. La civilisation de IrOxus et les indo-iraniens et indo-ariens en Asie Centrale // Brias, ariens et iraniens en Asie Centrale. G. Fussman, J. Kellens, H.-P. Francfort, X. Tremblay, eds. 2005 Francfort H.-P., Tremblay X. Marhaši et la civilization de IrOxus // Iranica Antiqua. – 2010 –. Vol. XLV.

³ Сарияниди В.И. Сиро-хеттские божества в бактрийско-маргианском пантеоне // Советская археология. – 1989. – № 4. С.17-24.

⁴ Грантовский Э.А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. – М.: Восточная литература РАН, 2007. – 507 с.; Дандамаев М.А., Луконин В.Г. Культура и экономика древнего Ирана. – М.: Наука, 1980. – 416 с.

Цели и задачи исследования: Диссертант поставил перед собой следующие задачи:

- создание единой базы статуэток и сосудов Гилана в форме сводного каталога;

- проведение классификации всего комплекса ритуальных предметов, найденных на памятниках Гилана и хранящихся в фондах различных музеев;

- на основе иконографии и семантики выделить группы и типы почитаемых объектов;

- на основе характеристики материалов каталога дать стилистический и сюжетный анализ антропоморфных и зооморфных статуэток и сосудов;

- интерпретировать смысловое значение антропоморфных и зооморфных предметов как отражение священной символики, указывающей на связь с нижним миром, водной и земной стихиями и небесной сферой;

- определить пантеон мифологических животных и их воплощение в статуэтках и зооморфных сосудах с целью определения их религиозно-мировоззренческой основы;

- определить верования жителей Гилана;

- провести сравнительный анализ иконографических и семантических особенностей ритуальных предметов, найденных на памятниках Гилана и Средней Азии.

Источниковедческая база исследования. Источники, использованные в данном исследовании, делятся на две категории – письменные и вещественные.

Письменные источники. Опубликованные и неопубликованные отчеты о проведенных раскопках, представленные в Центр документаций при Организации культурного наследия и туризма Ирана. Статьи, опубликованные на персидском, английском, французском языках. Монографии и статьи советских и русских иранистов, посвященные истории и религии Ирана, а также авторов в той или иной мере освещавших проблемы семантики и мифологии народов Ирана и Средней Азии.

Вещественные источники: статуэтки и сосуды, найденные на памятниках Гилана, хранящиеся в фондах Музея Древнего Ирана, Реза Аббаси, Решта, частной коллекции Вириги.

Новизна исследования. Представленная работа является первой попыткой объединения в единый комплекс всех статуэток и сосудов антропоморфной и зооморфной форм, что позволит максимально точно осветить проблему религиозно-мифологических верований населения, проживавшего в конце II– начале I тыс. до н.э. на территории современной провинции Гилан:

- впервые сфотографированы и проанализированы все архивные материалы фондов музеев, связанные с темой данного исследования;

- собраны и систематизированы все представления о мифологических животных;

Следовательно, научная новизна заключается в первом обобщающем описании всех имеющихся в настоящее время ритуальных предметов

найденных на памятниках провинции Гилан и введение их в научный оборот. Опираясь на известные разработки, автор выдвигает свои версии по проблемам верований и мифологических представлений древнего населения Ирана. Впервые осуществляется сопоставительный анализ ритуальных предметов, найденных на территории Гилана и Средней Азии.

Теоретико-методологическая основа. Теоретической основой послужили разработки по истории религии советских, русских и европейских ученых Л. Я. Штернберга, Э. Джеймса, С. А. Токарева и др., а также специалистов по Средней Азии, чьи работы имеют отношение к теме древних верований и культов – М. С. Андреева, С. П. Толстова, О.А. Сухаревой, Г. П. Снесарева. Методологической основой диссертации являлись сравнительно-аналитический и исторический анализ.

Практическая значимость работы. Полученные данные, характеризующие духовную культуру древнего населения, отражающие его приверженность к определенным культовым ритуалам, могут быть привлечены при написании работ по истории религии региона, в том числе по Гилану. Классификация статуэток и сосудов может служить справочной документацией при научных разработках по проблемам мифологии Востока.

Апробация работы. Основные положения опубликованы в 14 статьях, три из которых – в журналах ВАКА, издаваемых в Республике Таджикистан. Изложены в выступлениях на конференции «Цивилизации Элама» (Элам, 2002); на Международной конференции, посвященной археологическим памятникам севера и северо-запада Ирана (Гурган, 2002); на Национальной археологической конференции (Бирджан, 2013), на заседаниях отдела археологии Института истории, археологии и этнографии АН РТ.

Структура работы: диссертационная работа состоит из введения, трех глав, заключения, приложения-каталога, списка использованной литературы, списка сокращений, альбома иллюстраций.

Глава I. Ключевые вопросы поздней бронзы – раннежелезного века Гилана и Средней Азии

В параграфе I.1. дается краткая характеристика природных условий и животного мира, которые, как известно, существенно влияли на историческое и экономическое развитие общества.

Параграф 2.2. посвящен историографии поздней бронзы и раннежелезного века провинции Гилан, которую подразделяют на два периода: 1) конец XIX в. и до начала исламской революции 1979 г.; 2) после исламской революции и до настоящего времени.

Начало археологическому изучению Гилана положил французский ученый Ж. де Морган, который в 1899-1901 гг. в предгорьях Талыша, открыл серию могильников, среди богатого сопроводительного материала были статуэтки оленей и коров¹.

В период 50-70-х годов Х. Самади у селения Амлаш (округ Рудсар) начал раскопки памятника Томочон.² Совместными японо-иранскими экспедициями. были проведены раскопки памятников раннежелезного века в районах Умом, Сумом, Пиркух, Калишм и др., в устье реки Чорруд, Гиёсо-

бод, Бонизамин, Бовие, Марбу, Ширчок. Под руководством Номии Агами и Синдзи Фукаи в районе Дейламана обнаружены могильники: Хуррамруд, Лослукон, Халимачон и проведены раскопки в Хуснимахалла, Кальа-е Кути, Наврузмахалла.³ С. Мусавви и Ишкевароза возобновили работы в Амарлу, что привело к открытию серии памятников: Сивун, Каман, Седжерар, Лашкастон. Наибольшую известность получили раскопки могильника Марлик, проведенные И. Негахбаном.⁴ А. Хакеми, М. Кадавани, С.Ганджави в бассейне р. Сафедруд нашли могильники Кафаркуш, Ганчфари, Калураз и др. Один из них – могильник Джубен был раскопан.¹

В начале второго периода (1981 г.), экспедицией А. Хакеми был изучен могильник Калураз. Японская экспедиция, затем М.Халатбари изучали могильник Шахран (бассейн р.Сафедруд).² При обследовании западной части бассейна р.Сафедруд обнаружил более 50 памятников, в ущелье р. Шафуруд – могильник площадью 400 га. Раскопки могильника Аколлар, показали, что он является самым крупным некрополем раннего железного века в Иране. Р.С. Кабир приступил к изучению Джамшидабада, продолженное Ю. Фаллахидн. В.Джахони открыл в Амлаше большое количество памятников, откуда происходит известный клад Амлаша.³

В период 2000-2008 гг. ирано-японская экспедиция под руководством Джабралли Нуканде и Тодо Хикоутсо с участием В. Джахони обследовала западный бассейн р. Сафедруд. М.Халатбари закончил работы на памятниках в районе Ганчпар, Рустамобода и тепе Калураз. В 2009-2010 гг. ирано-корейская экспедиция под руководством Ки Дунг Би и М. Богириён и В. Джахони при поиске стоянок каменного века в центральной и южной частях Гилана, в основном (60%) обнаружила памятники относились к раннежелезному веку. В 2010-2011 гг. проведены раскопки Кафаристана в Дэйламане. В 2013 г. В.Джахони и С. Мирсолехи приступили к раскопкам в Ускалаке Рудбара, а летом 2014 г. вскрыли часть могильника Лиёрсанг-бон в Амлаше.

Параграф 1.3 начинается с обоснования периодизации, применяемой в Иране, поскольку она не находит соответствия в общепринятой европейской и российской хронологии. В Иране наибольшее распространение получила периодизация Р. Дайсона-Т. Кайлера Янга, в которой: древний железный век (железо I – 1500-1300 – 1200-1000 гг. до н.э.), средний железный век (железо II – 1200-1000 – 800 гг. до н.э.) и новый железный век (железо III – 800 – 500 гг. до н.э.).

Далее рассматриваются ключевые вопросы истории Гилана Главным, и

¹ Хаками Али. Металлические предметы, обнаруженные в Калуразе Гилана // Материалы международного археологического конгресса. – Тегеран: Министерство культуры Ирана, 1968. – С. 2-16.

² Халаьтбари Мухамадризо. Предварительный отчет археологической разведки и раскопок в Шахране. Определение площади археологического памятника в Тахачоне. – Тегеран: Организация всемирного наследия, 1991. – С. 15-70; Джахони Вали. Амлаш. – Техрон, 2008. – С. 12-13.

³ Omid Oudbashi, S.Mohammadamin Emani and Parviz Davani. Bronze in Archaeology . / A Review of the Archaeometallurgy of Bronze in Ancient Iran/ P.155-156 (P.153-178).

пока не решенным вопросом истории этого периода является приход ариев, где в начале I тыс. до н.э. проживали кадусии, марды, амарлу и дарбики. Арийцы, обладавшие своей культурой, после проникновения в регионы Ирана, столкнувшись с народами, которые обладали более высокой цивилизацией, чем у них. Но они очень быстро смешались друг с другом, что хорошо наблюдается в материалах Марлика, Калураза и Тальша. При этом арийские племена сумели сформировать правящий класс и взять власть в свои руки. В IX-VIII вв. до н.э. отмечается появление правителей небольших североиранских областей с именами типа Işraā «всадник».¹

Предметы материальной культуры обнаруженные в Гилане обладают двумя художественными стилями: 1) коренным искусством; 2) искусством, созданным под влиянием соседних стран. Наиболее очевидны тесные контакты с Ассирией. Захоронения и погребальный инвентарь указывают на тесную связь между населением Гилана с другими частями Ирана, такими как Гиан, Хурувин, Луристан, Кавказ и идентичность с культурами Гиссар III, Пешва, Хасанлу и Силк В. Многие артефакты настолько аналогичны находкам других регионов, что порой возникают сомнения в определении места их обнаружения. Однако существуют артефакты, которые выглядят инородными – гончарные сосуды с длинными носиками, статуэтки обнаженных женщин и мужчины с прикрепленными на груди сосудами, ритоны в виде животных. Произошли изменения в погребальных обычаях – захоронения стали совершаться на кладбищах, а не под полом жилищ. Обычными становятся погребения конных воинов, связанные с продвижением иранских племен из евразийских степей и ассимиляцией местного населения.²

Все это этническое и культурное многообразие является свидетельством сложного процесса синтеза местного и пришлого населения. Распространение комплексов, оставленных вооруженными колесничими, так же как и наличие исходного пласта «культуры серой керамики».

В параграфе 1.4 приводится характеристика уровня развития земледельческих культур Средней Азии. Выявляются внутренние и внешние факторы, повлиявшие на религиозную ситуацию этого региона и ее связь с формированием мировоззрения населения Ирана. Определяющим в связи между этими двумя регионами, является географическая близость, которая приводила к перемещению населения, культурной инфильтрации и торговых обменов. Так, в древнеземледельческих культурах юга Туркмении антропоморфные статуэтки являются распространенными находками, а в северных районах Бактрии они уже единичны. Показательным в этом плане является поселение Саразм (Таджикистан), возникшее при участии переселенцев из Геокюрского оазиса, но на котором найдено всего несколько экземпляров статуэток.

¹ Грантовский Э.А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. – М.: Восточная литература, 1970. – С. 276-279.

² Грантовский Э.А. Ранняя история иранских племен... – С. 310; Полидович Ю.Б. Конь и конская узда в системе погребальной обрядности народов юга Восточной Европы предскифского и скифского времени // Текст Контекст Подтекст / Сборник в честь М.Н.Погребовой. – М.: Институт Востоковедения РАН, 2013. – С.157-227.

В целом историческую ситуацию, сложившуюся в бронзовом веке и в период раннего железного, четко определил П. Амье, который определил Хорасан, Маргиану и Бактрию «Внешним Ираном» – объединил их в единое целое.

Глава II. Стилистико-сюжетный анализ антропоморфных, зооморфных статуэток и сосудов и их духовная составляющая

В параграфе II.1 рассматриваются антропоморфные образы, отраженные в керамических статуэтках и сосудах, 10 из которых происходят из Марлика, 7 – Калураза, 8 – Амлаша, 2 – Амарлу, 5 – Шахрана, 4 – Джамшидабада, 3 – Насфе, 2 – Сафедруда, 1 – неизвестной стоянки. Среди них 31 изображение женщины и 11 – мужчин, различающихся по внешнему виду и иконографии. Женские статуэтки за исключением одной – обнаженные. В целом такая трактовка в указанное время была широко распространена.

На основании общего художественного замысла и индивидуальных деталей автором были выделены основные группы статуэток, которые показали значительные вариации их типов и подтипов, а также культурные и торговые связи с другими регионами Ирана. Так в группе антропоморфных изображений присутствуют скульптуры Богини-матери (тип 1.1), со сложенными на груди руками, имеющие истоки в культуре Месопотамии – 5 подтипов; женские (тип 2) статуэтки, интерпретируемые как идолы, с выражением крика или стоны на лице. У мужских статуэток выделено 2 типа; полые фигурки аналогичные типу 2 женским. Интересной деталью идолоподобных персонажей является наличие шести пальцев. Предположительно, это отражение особых религиозных убеждений. Существует легенда о библейских рефаимах, живших во времена Давида – гигантах с шестью пальцами на руках и ногах, к которым принадлежал Голиаф. На головах некоторых статуэток имеется корона, что еще более подчеркивает божественную сущность статуэток. В отдельные типы выделены статуэтки лучника и пахаря (тип 2). Вторая группа состоит: 1 – из мужских и женских статуэток с сосудами, прижатými к груди или держащими их в руках; 2 – скульптурных групп, где человеческие фигуры и сосуды равны по высоте. Третья – из женских и мужских фигур всадников и возникших.

Параграф II.2 посвящен зооморфным образцам (32 экз.), 19 из Марлика, 3 – Калураза, 8 – Амарлу, 1 – Амлаша и 1 – Насфи. Статуэтки изображают коров и быков зебу, оленей, баранов, ослов, медведей, тигров, козлов, лошадей, собак. Они схожи по своим техническим показателям, но различны в деталях. Например, статуэтки в виде баранов изготовлены в традиции, соответствующей прикаспийскому региону, но с большим разнообразием в деталях – в форме голов и рогов животных.

Как показал анализ имеющихся артефактов, сосуды-животные воплощались в трех вариантах. Самым распространенным был вариант, с корпусом в форме животного или птицы, со сливом на спине. Подобные кувшины производились в нагорной Малой Азии с начала II тыс. до н.э. Особенно много их было найдено при раскопках могильника Амлаш. В Марлике не было обнаружено ни одного сосуда с горловиной на спине животного, в

ее качестве они использовали клюв или рот животного.¹ Ко второму и третьему варианту этой группы были отнесены экземпляры кувшинов с налепными деталями, предававшими им вид животного или птицы или сосудов с шаровидным туловом, имеющим длинный носик, заканчивающийся фигуркой животного.

Большинство зооморфных изображений составляют быки и коровы-зебу. Интересен факт изготовления сосудов в форме быков и полное отсутствие их воплощения в статуэтках. Имеется только одна статуэтка быка, установленная на колеса, что выделяет эту группу из других районов Ирана, где они присутствуют в значительном числе.

Уникальными образцами изобразительного искусства являются сосуд в виде барана

(Амарлу) с глазами из зеленого камня; кувшины, изготовленные в форме двух птиц и с головами богинь. Какой-то скрытый для нас смысл имеют колокольчики, прикрепленные к спинам птиц. Близкий образец этим птицам впервые был найден в Хафттеппе Хузистана, в рисунке на печати, изображающим богиню с короной на голове²

В группе животных немаловажную роль занимал осел, образ которого запечатлен достаточно стабильно, а также козлов в виде статуэток и сосудов. И конечно лошадь, занимавшая главенствующую роль у человека. Две статуэтки лошадей, установленные на колеса, имеют форму, распространенную на территории Ирана, а вот телега с фигурой человека является исключительным экземпляром.

Редкими экземплярами являются статуэтки тигра и пары медведей – самца и самки, аналогия которым не найдена не только на памятниках Гилана, но и на иранском нагорье в целом. В единственном экземпляре найденном на памятниках Гилана, иранского нагорья и Средней Азии является сосуд в форме собаки. Из числа 73 найденных предметов, кроме одной статуэтки собаки и барана, все остальные – полые.

Суммируя вышесказанное, автор отметил следующие особенности технического и художественного характера, аналогии и различия статуэток и сосудов у племен Гилана и Средней Азии.

Поверхность большей части керамических предметов красновато-коричневого цвета, но встречаются образцы темно-красного цвета, ближе к кофейному, а также серого. Часть статуэток подвергалась лощению и гравировке. Некоторые из них, особенно коровы-зебу, изготовленные в высшей степени реализма. Другие, такие как тигр, медведь отображены в более примитивном стиле. Из числа других особенностей, можно указать на образцы с примитивными головами, длинными и большими рогами и глазами в виде кругов. У большей части животных воплощенных в сосудах, в уши вдеты сережки в виде маленьких золотых колец.

¹ Негахбан И. Раскопки Марлика. – Тегеран: Организация культурного наследия страны, 1999. – С. 366.

² Негахбан И. Раскопки Хафттеппе в в Дешт-е Хузистон. – Тегеран: Организация культурного наследия страны, 1993. – С. 571.

Исследованные статуэтки свидетельствуют, с одной стороны, о существовании своей художественной школы прикаспийского региона, с другой – о заимствовании идей или импорт предметов из других районов Ирана, в частности, из соседнего Луристана. Можно указать на внутреннюю связь между женскими статуэтками с руками положенными на грудь из Амлаша и Калураза. Статуэтки аналогичны до такой степени, что кажется, что все они изготовлены в одной мастерской, или были завезены в Амлаш из Каловарза или наоборот. При этом они сильно отличаются от статуэток других районов Гилана. Статуэтки коров Марлика обладают большим изяществом и гармонией между частями тела, по сравнению со статуэтками из Амарлу. Статуэтки коров, найденные в Калуразе, по сравнению с образцами из Марлика и Амарлу, обладают формами, отличными от указанных двух памятников. Статуэтки коров Калураза изготовлены с вытянутым телом, короткими ногами, маленькими по отношению к телу головами, небольшими рогами и заостренными горбами. О связях населения Гилана с соседними территориями свидетельствуют сосуды с ручкой, прикрепленной к спинам животных, которые больше схожи с подобными экземплярами из Колтеппе или Розгура Гальша (Россия).

Параграф II.3. Металлические статуэтки, как и керамические, формовались в двух стилях – схематическом и реалистическом, но в том и другом случае они сохраняли естественные физические особенности определенных животных, например, горбы у быков-зебу и т.д. Количество металлических антропоморфных статуэток по сравнению с керамическими, значительно меньше. Общими чертами этих статуэток является их обнаженность и четкий показ половых признаков, схематичность внешности, без четкого показа деталей лиц. В сравнении с керамическими образцами, они значительно меньше по размерам. В них также отражены три варианта скульптур: женские и мужские статуэтки, статуэтки всадников и статуэтки пахарей. Отметим такую деталь, всадники обоего пола и мужчины и женщины, пахари – только мужчины.

Выдающимся экземпляром не имеющим аналогов является бронзовая статуэтка пахаря с коровой-зебу запряженной в плуг и статуэтка мужчины, в руках которого кувшин с клювовидной трубкой, найденная в Амлаше.

Если количество металлических антропоморфных статуэток сокращается, то зооморфных наоборот возрастает – 138 экземпляров: 42 изображают коров, 31 – оленей, 5 – кабанов, 12 – козлов, 7 – баранов, 4 – тигров, 4 – собак, 13 – лошадей и 17 – птиц. По сравнению с керамическими фигурами, из пантеона выпал всего один образ – осла.

В основном животные изображены в стоячем положении. Большинство статуэток на теле или на шее имеют отверстия, у меньшего числа статуэток – на спине крепили кольца для подвешивания. Отверстия на спинах различаются по размерам и способу моделирования, что указывает на специфику их использования. Часть статуэток изготовлена в своеобразном стиле, балансирующем на грани схематизма и реализма. Судя по наибольшему количеству экземпляров статуэток коров и оленей, они занимали главенство-

ющее положение среди особо почитаемых мифологических животных у народов прибрежной части Каспийского моря.

На основании выполненного подсчета количественного соотношения керамических и металлических скульптур антропоморфных и зооморфных форм, автором выяснено, что наибольшее количество принадлежит фигурам в виде животных, что указывает на сохранение идей тотемизма, на значимость и священность мифологических статуэток в первой половине I тыс. до н.э.

Глава III. Верования и мифологические символы древних племен Гилана и Средней Азии, выраженные в статуэтках и сосудах

Одной из интересных проблем древней истории, привлекающих внимание исследователей, является выявление назначения и роли антропоморфных статуэток в жизни древних людей. Женские статуэтки в основном были связаны с культом плодородия, поэтому пик их распространения и обожествления как женщины-прародительницы, пришелся на время становления земледельческо-скотоводческого хозяйства, в значительной мере зависящего от прихоти природы. Подавляющее большинство антропоморфных статуэток формовалось в обнаженном виде с гипервыпуклой передачей отдельных органов: туловища, особенно груди, бедер и живота. По-видимому, цель заключалась не в изваянии женщины вообще, а в передаче отдельных деталей в связи с определенной идеей. Почти у всех народов начало мироздания являлось объектом поклонения, воплощенное в Богине-Матери, рассматривая в ней признаки плодородия и изобилия. С течением времени поклонение перед ней уступило свое место богам мужского пола.¹ Наиболее четко это отразилось в материальной культуре и идеологии населения Ирана и Средней Азии конца эпохи бронзы, что связывается с миграцией степных племен, заметным усилением воинского уклада, повышением роли мужчины-воина и соответственно мужского начала.

История изготовления первых идолов и статуэток в Иране начинается в период раннего неолита. Обнаженные женские статуэтки найдены на стоянках: Гандждара, Теппе Сароб в горах Загрота, Теппе Зога и др. Все 113 антропоморфных изображений, выявленных при раскопках Ганджары VIII-VII тыс. до н.э., являются женскими. Традиция изготовления обнаженных женских статуэток продолжилась в эпоху энеолита. Они обнаружены на поселениях Чагамиш, Теппе Джафарабат, Теппе Яхья, Думгар Парчина. Талл-е Бакун, Сузы и в первом периоде городища Шахри Сохта.¹ В бронзовом веке, который является периодом особых культурных преобразований, художественные изделия достигли пика своего развития, приобрели значительное разнообразие и массовый характер. Наличие нескольких типов женских статуэток, найденных на памятниках Гилана, свидетельствует о существовании различных женских божеств, которые приобрели специализированные функции.

¹ Годар Андре. Искусство Ирана / Пер. доктора Хабиби. – Тегеран: Национальный университет, 2006.

Производство статуэток через северо-восток Ирана распространилось на сопредельные территории. В течение энеолита и до конца эпохи бронзы носители анауской культуры практиковали изготовление Богини-матери. Ее образ занимал центральное место в ритуалах древнеземледельческой культуры, воплощая в себе идеи плодородия, что подчеркивалось нанесением на живот древа жизни, которое доходило почти до лобка, изображенного в виде треугольника, заполненного точками. По мнению автора, в данном случае лобок должен был олицетворять лоно матери земли, куда упали семена с древа жизни.

Расширилась и сфера их идеологического воздействия. Если статуэтки эпохи неолита и энеолита были связаны с культом плодородия, то в бронзовом веке они зачастую изготавливались для погребального культа, о чем свидетельствуют их находение в захоронениях. В погребение № 3155 некрополя Гонура, в руке захороненной женщины была зажата терракотовая статуэтка. Статуэтки, изображавших человека клали в могилы, что было связано с анимистическими идеями, развитие которых порождало определенные отношения к смерти. Переплетение культа мертвых и культа плодородия стоит в тесной связи с таким древнейшим представлением как культ обожествления мертвых, что нашло отражение в создании статуэток в виде мужских и женских скульптур с выражением полного отчаяния. По мнению Е. В. Антоновой люди верили, что прикосновение к соответствующим изображениям позволяет добиться

желаемого.¹ Такой обычай был распространен в Шахдаде и во втором периоде Шахри Сохте, что указывает на культурную трансформацию. Возможно, именно с этими представлениями связана хорошо просматриваемая затертость поверхности некоторых частей статуэток, найденных на памятниках Гилана. Например, у статуэток женщин-богинь, мужчин-воинов, круппов коров и быков, задних частей баранов.

Столь же широко у носителей земледельческих культур Европы, Ближнего и Переднего Востока, Индии, Китая были распространены антропоморфные статуэтки с сосудами. Сосуд – вместилище пищи и воды, рассматривался как главный источник жизненных благ. Человеческие фигуры, держащие в руках кувшины, имели религиозное предназначение и использовались для хранения священной воды, как символа плодородия земли. Прижимание сосудов к груди отражало знак наивысшего уважения к ним. Самым древним вариантом были сосуды, моделированные как женское тело. Эта традиция существовала с эпохи неолита, когда сосуды отождествлялись с женским началом, когда в среде раннеземледельческого населения сформировалось представление о связи антропоморфных сосудов с образом Великой богини – богини неба, небесной влаги.

В древности изображениям человека уделялось особое внимание, так как они отождествлялись с живыми существами, от которых надеялись получить помощь, прежде всего хорошего урожая, увеличения стада. Га-

¹Антонова Е.В. Антропоморфная скульптура древних земледельцев Передней и Средней Азии. – М.: Наука, 1977. – С. 96.

рантом изобилия выступают статуэтки пахарей с плугом или его символическим изображением в виде скрепленных между собой сосудов. В одном случае силу воздействия на плодородие усилена божественными покровительницами – птицами, закрепленными на плуге. К этому же культу примыкают кувшины, изготовленные в форме коровы, установленной на четыре колеса. Присутствие золотой или бронзовой серьги в ушах коров указывает на ее священный статус.

Статуэтки всадников мужчин и женщин, мужчин-колесничих и богини верхом на лошади, наглядно демонстрируют значение лошади и верховой езды в хозяйстве и военных действиях. Кроме того, в статуэтках заложены и идеи космогонии. Конь, согласно мифологическим представлениям переносил душу умершего в потусторонний мир. Обнаженные фигуры всадников, с подчеркнутыми половыми органами, олицетворяли собой силу плодородия и оставления потомства. Следовательно, в этих статуэтках запечатлена основная религиозно-космологическая концепция, заключающаяся в бесконечно повторяющемся процессе смерти и возрождения. Соединение образа человека и животного подчеркивало идею единства мира.

Зооморфные образы занимают центральное место, поскольку именно они выступали в качестве средств моделирования древней системы мироздания – дуализма добра и зла, света и тьмы, т.е. замкнутого процесса космической смерти и возрождения. Различные сферы обитания животных облегчали определение пространственно-космологических структур. Птицы, обитатели небес – олицетворяли верх, травоядные – середину мира, пресмыкающиеся и рыбы – нижнюю часть. В стороне от этого структурного ряда стоит образ хищника. Хотя идеологические воззрения отдавали предпочтение травоядным животным, образ хищника был не менее актуален, поскольку соотносился как с нижним хтоническим миром смерти, поддерживающим равновесие в мире противодействующих сил, так и средним пространством, порожденным энергией древнего космоса. Информационная возможность зооморфного стиля, основанная на разнообразии фауны, создавала объемную картину мировоззренческого сознания, т.е. образно-смысловое выражение космогонии воспроизводило сакральную природу как модель мира.

Изначально изображения животных символизировали какие-либо качества присущие божествам языческого пантеона, чьими спутниками они считались. Поэтому фигурки животных имели свое определенное значение, а каждое животное свою сферу влияния. На территории Ирана фигуры быка, барана, лошади, собаки, свиньи и других животных встречаются со времени энеолита. Этим изображениям придавалось магическое значение, сначала как оберега, способствовавшим размножению данного вида растения или животного, затем как символов космогонии, осуществлявших связь с богами. Изображение отдельной части животного на сосуде как замещение целого является одним из правил магии. В представлении древних людей целая фигурка или части фигурки животного, помещенные на ручке или венчике сосуда, должны были оберегать продукт, содержащийся в сосуде от злых духов.

Пантеон мифологических животных несет огромную информацию о картине миропорядка в представлении населения Гилана. В круг мифологических животных, отраженных в статуэтках Гилана, входили: горный козел, баран, бык, лошадь, олень, осел, тигр, медведь, кабан, собака и птицы. Все они в той или иной степени отличаются теми качествами, которые особо ценились в среде древних народов – силой, отвагой, скоростью бега, яростью в нападении, что и порождало желание обладать ими. В целом мифологический пантеон, не противоречит природному миру, окружавшему население Гилана. Каждому животному была определена своя роль в системе миропорядка, бык – представлял власть, которая ассоциировалась с богами и небом; лошадь – с солнцем и т.д., но чаще всего их наделяли двойственными свойствами – полезными и божественными.

Горный козел занимает первое место по количеству изображений на керамике, наскальной живописи и малой скульптуре на территории Среднего Востока и Средней Азии с эпохи неолита.¹ Каждое племя рассматривало это животное в качестве проявления полезных и естественных божеств. Древнеиранские народы считали, что луна связана с дождем и, что между скрученными рогами горного козла и полумесяцем существует некая связь, а также центром власти и предводителем стада.

Баран. Представления о фарне как эманации солнца, небесного огня, жизненной силы, передающейся человеку, многогранной божественной благодати ассоциировались со многими животными, но в первую очередь – с бараном. Баран символизировал небо и мужское божество. Являлся посредником между людьми и богом, его приносили в жертву с целью умилостивления богов.

Бык. В древних легендах и мифах указывается на связь быка с солнцем, огнем, водой, землей и плодородием было продиктовано повседневной жизнью людей, поэтому бык участвовал в культовых обрядах, связанных с производительными силами. Большое количество амулетов в виде голов быков, предполагает его связь с мужским божеством – покровителем скотоводства и источник воспроизводства. В Читал-Хуюке и Саразме рогами быков были украшены алтари, что утверждает связь быка с культом плодородия.² Голова быка с лунообразной инкрустацией на лбу, найденная в культовом комплексе Анау, указывает на связь с мужским астральным божеством.

Особое значение придавалось образу быка в древнеиранской мифологии. В «Бундахишне» говорится: «...пятым он создал Быка, Шестым он создал Гайамарта (первочеловека). Он сотворил Гайамарта и Быка из земли. А из света и влаги неба он сотворил семя людей и быков и он вло-

¹ Вазири Алинаки. Общая история искусств. – Тегеран, 1990. – С. 145.

² Mellart J. Deities and Shrines of Neolithic Anatolia.-Archaeology, 1963, vol 16, K 1. – P.32; Каримова Г.Р. Культовые сооружения Саразма (по материалам раскопок А.И. Исакова в 1978-1986, 1989, 2000 гг.) // АРТ. – Душанбе, 2009. – Вып. 33. – С. 262-282.

жил (его) в тела Гайамарта и Быка для того, чтобы от них могло пойти обильное потомство людей и скота».¹

Лошадь. Мифологические герои всех индоевропейских народов, свои подвиги совершали на коне и в иной мир они также отправлялись на них. В ритуале захоронения лошадь представляла собой символ смерти, которая увозила дух умершего.² В мифологии народов Востока коню приписывали человеческие и божественные качества. Лошадь сопоставлялась с богом света, поскольку ее быстрый бег напоминал движение солнечного круга, поэтому для продолжения вращения солнца в небе древние иранцы приносили лошадь в жертву перед богом солнца. У Страбона про массагетов сказано, что: «Богом они почитают только солнце и приносят ему в жертву лошадей».³ Г.Виденгрэн исследовав античные источники, заключил, что существует тесная связь между представлением о коне, солнце и Ахура Маздой.⁴

Осел. В Авесте упоминается мифологический трехногий осел Хара, стоящий посередине моря Фрахвард, и от крика которого беременеют все творения Ормазда, а все беременные творения Ахримана выкидывают своих детей.⁵ В прошлом рассматривался в качестве животного, обладавшего силой плодородия и сексуального характера.

Олень. В мифологиях олень символизирует скорость и ветер. У ранних земледельцев олень представлялся солнцем, пробегающим за день весь небосклон от востока до запада. В сознании индоевропейских народов смена рогов соотносилась со сменой времен года, т.е. мирового круговорота. Олень считается воплощением долгой жизни и достоинства, а в мифологии символизирует физическую силу и мощности бега.

Тигр. Согласно Бундахишн тигр, как и другие хищники относится к семейству волков, т.е. к демоническим существам, созданным Ахриманом, и его убийство считалось добрым делом. Следует отметить, что образ тигра не всегда был таковым. В древней мифологии тигр, как и лев, обладал земной властью. Из-за его пятен на шкуре, напоминающих глаза, тигр считался символом бога богов или опекуном и хранителем.

Медведь. В древнеиранской мифологии медведь представляет собой демоническое существо. Несмотря на своё небесное происхождение, медведь по своим признакам похож на хтоническое существо. Зверь этот – не земной, а небесный, божественного, жертвенного (во имя творения Мира?) и дионисийско-осирического, по сути своей, ранга – олицетворение нескончаемого круговорота жизни, смерти и воскрешения.

¹ Зороастрийские тексты. Суждения духа Разума (Дадестан-и меног-и храд). Сотворение основы (Бундахишн) и другие тексты / Подготовлено к изд. О.М.Чунаковой. – М., 1997. – С. 45.

² Полидович Ю.Б. Конь и конская узда в системе погребальной обрядности ...С. 174 – 185.

³ Страбон. География. Пер. Г.А. Стратоновского. – Л.: Наука, 1964, IX, – С. 8, 6.

⁴ Widengren G. Die Religionen Iran. Stuttgart, 1965 // Die Religionen der Menschheit. Bd.IV. – P.127.

⁵ Джеймс Хал. Культура символической графики в искусстве Востока и Запада. / Пер. Бехзади Рукия. – Тегеран: Фарханг-е муосир, 1999. – С. 24.

Кабан-свинья. По авестийским и пехлевийским легендам свинья, как и собака, сторожит имущество людей. Среди животных, сотворенных Ормуздом, свинья была последним задуманным животным. В согдийских текстах она упоминается в качестве ездовых животных дивов и, с этой точки зрения, она считается демоническим существом. По авестийской мифологии кабан считался солярным зверем, связанным с богом грома и победы Веретрагна. Одним из свойств этого божества было умение перевоплощаться в различные образы. В Яште 14 перечисляются десять инкарнаций Веретрагна. Он, посланный Ахурой Маздой, является к Заратуштре в десяти различных образах: «И в пятый раз предстал ему Ахуро Маздой данный Веретрагна в образе вепря».¹

Собака. Как помощник человека в охоте и при охране стад, собака окружена определенным религиозным почитанием. Ритуальные захоронения собак встречаются с эпохи бронзы и до раннего средневековья. Они считаются символом верности и дружбы, честности и спутничества во многих древних цивилизациях. Зороастрийцы верили, что собака помогает петуху в борьбе со злыми духами. Данные Авесты свидетельствуют о сакральном характере культа собаки. Сначала душа умершего человека достигает моста Чинват, где происходит ее допрос. Затем по мосту приходит прекрасная девушка в сопровождении двух собак и ведет душу верующего к «Стене», означающую границу с небесным миром. Отсюда они отправляются к Ахуре Мазде.²

Птицы. У народов Средней Азии и Ирана птицы до сих пор относятся к добрым приметам, появление их во сне считается предвестием богатства и почестей. В иранской мифологии – атрибутом женского божества. Вода является одним из главных источников жизни. Поэтому одним из символов Богини-матери являлась вода, а утка – проводником между водной стихией и небом. Образ голубя считается священным, так как душа умершего вылетает изо рта в виде этой птицы и уносится от земли на небо. В настенных росписях святилищ Чатал-Хуюка присутствуют изображения богинь, выполненных красным цветом, как символ жизни и черных птиц – как символ смерти.³ В Древнем Иране орел символизировал свободу, силу и небесную силу. Курица считалась символом души, а куропатка – идеей света, красоты, благоденствия, благополучия. Петух был связан с божеством утренней зари и солнца. В Вендидате он назван «пародашем», в другом месте «барбаном мира».⁴ По авестийским преданиям петух борется с вялым, бледным, длинноруким Бушьястой-демоном лени, сна и нечистой силы.⁵

Б.А. Рыбаков характеризовал орнаментальные композиции на триполь-

¹ Авеста. Яшт 14 – Т. 2. – Тегеран: Марворид. – С. 663.

² Литвинский Б.А. Погребальный обряд древних Ферганцев в свете этнографии // Известия АН Тадж. ССР. Отдел. Оюществен. наук. – Вып. 3. – 1968. – С 47.

³ Мелларт Дж. Древнейшие цивилизации Ближнего востока, С.89-91; Массон В.М. Первые цивилизации, С.38-39.

⁴ Маковельский А.О. Авеста. – Баку, 1960. – С. 124.

⁵ Погодин А.Л. Религия Зороастра // Образовательная библиотека Поповой. – Спб., 1903. – С. 27.

ских сосудах как «картину модели мира»,¹ развернутую по вертикали – с нижним миром, водной и земной стихией и небесной сферой. Как показали наши исследования, в представлениях древних гиланцев подобная модель мира также имела место, выраженная в соответствующих статуэтках и ритуальных сосудах. Исключением является только нижний мир достаточно плохо отраженный в зооморфной символике, к примеру, отсутствуют изображения змей. Слабо представлена водная стихия, среди изученных фигур имеются только единичные экземпляры уток и полностью отсутствуют рыбы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В древних обществах основу духовной сферы составляла мифологическая система, частично познать которую можно с помощью статуэток и сосудов, изготовление которых в исследованный нами период истории носило массовый характер. Статуэтки позволяют нам распознать основные божества, которым поклонялось древнее население Гисана. Проведенный анализ показал, что их можно разделить на две группы. Первая – это статуэтки и сосуды, связанные с хозяйственной деятельностью, т.е. отражающие культ хтонических божеств плодородия, прежде всего, женского божества. Вторая – с космогонией, основанной на представлениях о животворящей силе объектов природы.

Во главе мифологических образов племен Гилана стоят фигуры богини-матери и воина-защитника. Признаки великой богини представляют собой первый образец, сформировавшийся в сознании древних людей. В статуэтках плодородия женщины приобретают сверхчеловеческое выражение, отраженное в преувеличенном, изображении груди, живота, бедер, что указывает на особые верования в женщину, считавшейся источником плодovitости и изобилия. По истечению времени почитание матери прародительницы сменилось почитанием богов мужского пола. Сначала это было связано с утверждением статуса земледельца-пахаря, а затем – воинов-защитников. И если появление ритуальных статуэток пахарей неразрывно связано с экономическим развитием региона и утверждением земледельческой модели хозяйства, то появление воинов является внешним фактором, связанным с приходом прото индо-иранских степных плем.

Ища защиты от природных катаклизмов, люди обращали свой взор на силы, которые могли бы защитить их. Этими силами, которые их окружали, были животные, которых стали воплощать в виде тотемных статуэток коров, быков, лошадей, собак козлов, тигров, медведей, а также птиц – орлов, куропаток, уток. Постепенно статуэтки приобрели вид кувшинов или чаш. При раскопках могильников Гилана найдены десятки сосудов в форме животных, чтобы усопший мог выпить священную воду и впитать в себя их силу и дух. Исследованный пантеон мифологических животных, воплощенный в статуэтках и сосудах, полностью отразил их видовой состав в природе Гилана. При этом не наблюдается тенденция создания мифиче-

¹ Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1981. – С. 194.

ских существ типа птицы Семург или кентавров. Связь была проста – реальная жизнь, наделенная нереальными идеями.

Подводя итоги нашим исследованиям, хочется подчеркнуть, что статуэтки и антропоморфные и зооморфные сосуды, позволили расширить ранее существующие представления о мифологии, искусстве и культурных взаимодействиях населения прикаспийских областей и Средней Азии. Вторжение степных индо-иранских племен привело к образованию гибридных мифологических образов и религиозных ритуалов. Рассмотрев обширный материал можно прийти к заключению, что обряды, мифология и искусство гиланцев представляют смешанную систему религиозных представлений, в которой нашли отражение идеологические убеждения древнего населения Передней Азии, в сочетании с местными культами и принесенными мигрантами-ариями, например, поклонению лошади. Под влиянием привнесенной идеологии и изменений социально-экономической ситуации и формирования “гибридных” культур, начали складываться новые культы (маздеизм, митраизм и др.), предвосхитившие рождение зороастризма – религии, господствовавшей в Центральной Азии на протяжении многих веков

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях:

Статьи в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Российской Федерации

1. Антропоморфные керамические статуэтки из могильников Геланской области Ирана начала I тыс. до н.э. // Известия Академии наук Республики Таджикистан. Отделение общественных наук. – 2010. – № 4. – С. 52-57.
2. Зооморфные керамические сосуды из могильников гиланской области Ирана (начало I тыс. до н.э.) // Вестник национального Таджикского университета. – 2010. – № 4. – С. 44-48.
3. Статуэтки богини-матери из области Гелан Ирана // Известия Академии наук Республики Таджикистан. Отделение общественных наук. – 2011. – № 2. – С. 41-43.

В других изданиях:

4. Бронза Луристана и связанные с ним цивилизации // Издательство Свободного исламского Университета Марвадашт. – Шираз, 2008. – С. 103-106.
5. В поисках предыстории здания // Материалы международной конференции северного и северо-восточного Ирана. Научно-исследовательского института археологии, возобновления культурной и туристического наследия. – Тегеран, 2005. – С. 280.
6. Взаимосвязь между водой, женщиной и змеёй в мифических образах на цилиндрических печатях и рунических камнях цивилизации Элома // Материалы научной конференции в Мехшадском Университете им. Фирдоуси. – Мехшад, 2009. – С. 260-273.

7. Исследование технических характеристик и рассмотрение роли мифических животных, отображенных на металлических тарелках из Шахдода и Джируфта // Научно-исследовательский институт исламской культуры и Ирана // Керманский университет искусства. – Керман, 2010. – С. 176-182.
8. К вопросу о мифическом сражении Бога защитника животных со змеей по материалам археологических раскопок в Иране // Археологическая конференция Ирана: достижения и перспективы – ретроспективы. – Бирджанд: Издательство Бинджандского университета, 2013. – С. 180-195.
9. К вопросу об обряде похорон по материалам Шахри Сурх // Хазораи Севвум. – Тегеран, 2006. – №3. – С. 20-25.
10. Общее представление об особенностях культуры и искусства древних народов Кавказа и народов округов Кавказа // Материалы Международной Кавказской конференции в протяжении истории. – Тебриз: Махди озоди, 2009. – С.76-83.
11. Представление о значении заколок Луристана и их сравнение с похожими предметами, найденными при раскопках в других регионах Ирана // Материалы научной Иранской международной конференции в Керманшахе. – Тегеран: Издательство Научно-исследовательского института Археологии возобновления культурной и туристического наследия, 2006. – С. 64-71.
12. Процесс появления мифической роли Грифона в Иране и цивилизации Урарту на Кавказе // Материалы Международной Кавказской конференции в протяжении истории. – Тебриз: Махди озоди, 2009. – С. 53-58.
13. Рассмотрение мифических сражений между Богом-спасителем животных со змеей, отображенных на заколке из Шахдоди Кермон и их сравнение с похожими предметами из других районов древнего Ирана // Материалы научной конференции исламской культуры и Ирана (Кирмон-шиниси). – Кермон: Научно-исследовательский институт исламской культуры и Ирана Керманского университета искусства, 2010. – С. 122-130.
14. Роль змеи в культуре и цивилизации Элома // Материалы научной конференции посвящённой представлению наследия цивилизации Илом. – Илом: Муассисае Мууд, 2005. – С. 100.

Подписано в печать 05.07.2016.
Сдано в печать 07.07.2016
1,5 печ. л. Формат 60x84 1/16
Тираж 120 экз.

Отпечатано в типографии «Офсет-Империя»
г. Душанбе, ул. Турсунзаде, 15

